

шолта

Н.А.Борисов

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА И КИРГИЗИИ)

Последняя волна трансформационных процессов изменила представления о возможных векторах политических изменений и привела к необходимости тщательного анализа становления политических систем и режимов отдельных стран. Прошедшее после распада СССР время дает возможность для относительно объективного рассмотрения постсоветских политических процессов, и, главное, – для их кросснационального сравнительного анализа.

Изучение политических процессов в центральноазиатском регионе чрезвычайно актуально и представляет не только исследовательский, но и прикладной интерес. Важно понять, почему соседние союзные республики пошли в постсоветский период разными политическими путями, а также прогнозировать их дальнейшее политическое развитие, во многом являющееся фактором стабильности во всем макрорегионе.

Наиболее плодотворной методологией изучения трансформации постсоветских режимов Киргизии и Узбекистана представляется синтетический подход, сочетающий некоторые положения транзитологии и неинституционализма в его культурологическом варианте (с использованием концепции «обусловленного пути»), а также метод «воронки причинности»¹, предусматривающий последовательный анализ структурных (государство- и нациеобразующих, социально-экономических, культурно-ценностных) и процедурных (политических и индивидуальных, политико-психологических) факторов трансформации.

Политические традиции Узбекистана и Киргизии исторически существенно различались. На территории современного Узбекистана существовали сильные государства, представлявшие собой восточные деспотии с нераздельным слиянием власти и собственности, основой легитимности которых служили традиция и религия. К XVII в. на этой территории сложилось три основных государственных образования: Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства. Ханы и эмир имели единоличную власть, подбирая для административного управления преданных им чиновников. Законов, которые охраняли бы жизнь и имущество населения, не существовало, да они и не могли появиться, поскольку не было ни законодательных органов, ни независимых от власти экономических субъектов, способных к ее ограничению. Разграничения функций управления и полномочий сановников также не существо-

¹ См. об этом: Campbell A., *Converse Ph.*, Miller W., Stokes D. *The American Voter* – N.Y., 1960; Мельвилль А.Ю. *Демократические транзиты: Теоретико-методологические и прикладные аспекты.* – М., 1999.

вало, а административный аппарат не финансировался из центра и содержался в основном непосредственно за счет местного населения. В политической и общественной жизни ханств важную роль играло мусульманское духовенство, мнение которого учитывали эмиры и ханы. Процессы складывания наций протекали медленно, основой для консолидации населения ханств были не этносы, как и в случае с государственными образованиями, а общие традиции и религия. Можно говорить лишь о постепенном формировании узбекского тюркоязычного этноса с наличием внутри него ряда кланов (субэтнических составляющих). Однако клановость, характерная для многих традиционных обществ, в Узбекистане носила не только черты родовых предпочтений (трайбализма) в классической форме. Здесь она была более лабильной и плюралистичной, не замыкалась на одном семейно-родовом принципе.

Киргизское же население, остававшееся по преимуществу кочевым и сохранявшее сильные черты родоплеменного строя, не имело опыта деспотической государственности, что можно рассматривать как потенциальный фактор возникновения политического полицентризма в будущем. Сущность кочевого общества как раз и состоит в отсутствии единого, признанного всеми авторитета, которому подчинялись бы все без исключения роды. Когда такие попытки предпринимались представителями отдельных родов, они неизбежно наталкивались на сопротивление, поскольку рассматривались кочевниками как необоснованные претензии на узурпацию власти. Поэтому киргизское общество, в силу указанных обстоятельств, изначально было обществом гораздо более эгалитарным, чем узбекское. При отсутствии государства трудно говорить о демократических институтах в классическом их понимании, однако все же обратим внимание на наличие в традиционной киргизской культуре некоторых «протодемократических» элементов. Это прежде всего выборность глав родов, отсутствие единого центра власти, отсутствие традиционного для Востока культа правителя. При этом – даже в условиях отсутствия единой нации – можно говорить о формировании двух киргизских субэтносов, северного и южного. Дело в том, что киргизы унаследовали от древних тюрков дуальную политическую систему – так называемого «правого» и «левого» крыла. Она возникла из нужд военного построения, а затем превратилась в постоянный военно-административный принцип этнополитической организации кочевников. Такая система сложилась к началу XVI в. Южные киргизы впоследствии оказались в составе Кокандского ханства и в значительной степени перешли к оседлому образу жизни, ассимилировавшись с узбекским населением, северные же оставались кочевниками. В состав Российской империи северные киргизы вошли добровольно, а южные – в результате завоевания Кокандского ханства российскими войсками. Другой особенностью киргизского общества по сравнению с узбекским являлась четкая иерархия племенных образований: они ранжировались по степени влиятельности, в том числе политической. Исторически наиболее влиятельными были представители северных родов, внутри кото-

рых также, впрочем, наличествует своя иерархия. Это порождало скрытый конфликт (в советский и постсоветский период переходящий в открытый), который усугублялся тем фактом, что две трети населения Киргизии всегда было сосредоточено в южных районах страны. Таким образом, уже в досоветский период здесь сформировался очень важный национальный раскол, спроецированный впоследствии на политический процесс.

Колонизация Российской империей узбекских и киргизских территорий, завершившаяся ко второй половине XIX в., была вызвана разными причинами и проводилась по-разному. В случае российской колонизации узбекских земель преобладали военно-стратегические, политические и экономические соображения, а присоединены они были путем завоевания. Киргизские же территории вошли в состав империи добровольно, главным образом по экономическим причинам. В целом же российское управление среднеазиатскими территориями очень слабо повлияло на политическую традицию как узбеков, так и киргизов. В условиях сохранения деспотических Бухарского эмирата и Хивинского ханства в качестве вассальных государств империи и предоставления им известной внутренней автономии продолжали существовать традиции произвола, слияния в руках правителей власти и собственности, большую роль по-прежнему играло мусульманское духовенство. С другой стороны, киргизы в большинстве своем продолжали сохранять кочевой образ жизни и некоторые традиции военной демократии (выборность военных вождей-манапов, советы аксакалов), так и не создав собственного государства.

В годы Советской власти в Узбекистане продолжился процесс образования нации, хотя кланы продолжали играть существенную роль в политическом процессе. Вместе с тем в республике всегда была незначительной доля русскоязычного и вообще иноязычного населения, что способствовало консолидации узбекской нации на основе противопоставления неузбекам (в позднесоветский период узбеки составляли 71,4% населения республики).

В Киргизии Советской властью были поставлены задачи по объединению двух ветвей киргизов в единую нацию и по принуждению кочевых племен к оседлости, хотя реализовать их удалось лишь отчасти. Раскол продолжал существовать и проецировался на политические отношения (существовало разделение политической элиты на «северную» и «южную»), однако в условиях зависимости политических отношений в республике от союзного центра политическое соперничество северной и южной элиты было неявным, хотя потенциально и угрожавшим стабильности всей политической системы.

Консолидацию нации затруднял также значительный приток в республику русскоязычного населения, в результате чего доля титульной нации в советский период снизилась до 42%. Приток русскоязычного населения наблюдался в основном в северные области и крупные города республики, закрепляя раскол не только по линии «север – юг», но и

по линии «город – село». Таким образом, в Киргизии не только не были преодолены факторы, способствующие внутриэтническому расколу, но и закрепились предпосылки, препятствующие формированию единого этноса и ведущие к снижению роли титульной нации.

Главными особенностями экономического развития Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств было отсутствие частных земельных собственников, традиционные методы использования природных ресурсов и экономическая стагнация. В киргизских же скотоводческих районах, как установили исследователи, положение о верховной государственной (а фактически ханской) собственности на землю являлось фикцией, поскольку ценностью была не земля, а скот, находившийся в частном владении². Более того, по киргизским нормам общинного права земля являлась общинной, и в этом также яркое отличие от узбекского социального уклада.

Российская империя выступила в качестве экономического модернизатора Средней Азии, прежде всего в плане развития капиталистических отношений. В среднеазиатских ханствах зарождающаяся промышленность была связана прежде всего с первичной обработкой хлопкового сырья, хлопкоочистительными и маслобойными предприятиями. Резко возросший с конца XIX в. спрос на хлопок привел к переориентации крестьянского хозяйства исключительно на эту культуру. Таким образом, уже до революции сельское хозяйство фактически становилось монокультурным. На киргизских территориях в конце XIX в. начинается добыча угля и нефти. Однако большая часть промышленных предприятий находилась в руках российской буржуазии, а национального промышленного пролетариата не существовало. Поэтому можно утверждать, что экономическая модернизация крайне слабо затрагивала местное население. Тем не менее уже тогда была закреплена экономическая специализация районов Узбекистана и Киргизии, усиленная в годы Советской власти. Важнейшее отличие в социально-экономическом развитии Киргизии и Узбекистана в советский период состояло в том, что Узбекистан выступал как основная хлопководческая база. Абсолютное большинство посевных площадей республики (почти 50%) было занято хлопчатником, что вело к образованию местной сельскохозяйственной элиты и преобладанию принципа «местничества», Киргизия же сформировалась как крупный район по добыче и переработке цветных металлов и животноводческая база СССР – здесь не сложилось монокультуры хлопка и доминировал принцип «ведомственности»³. Благополучие «сельскохозяйственной» элиты Узбекистана зависело именно от увеличения производства хлопка: фактически эта элита «обменивала» хлопок как главный ресурс республики на поддержку союзного центра и предоставление местной власти известной свободы действий, что в итоге вело к закреплению политического моноцентризма. Таким образом, социально-экономическое развитие Узбекистана в

² История Киргизской ССР: С древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т. 1. – Фрунзе, 1984. – С. 533.

³ Подробнее о принципах «местничества» и «ведомственности» см.: Бри М. Региональные политические режимы и системы управления // Россия регионов: Трансформация политических режимов – М., 2000. – С. 61–108.

советский период способствовало закреплению политического моноцентризма, Киргизии – создавало отдельные, хотя и не решающие, предпосылки для установления полицентризма.

Господствующей религией на территории Узбекистана со времени арабского завоевания был ислам, хотя распространялся он крайне неравномерно. Оседлое местное население довольно быстро ислам восприняло. Особая ситуация сложилась в Ферганской долине, где большую роль играли суфийские братства, традиционно отличавшиеся оппозиционностью по отношению к любой светской власти. Принципиальная неудача борьбы Советской власти с исламом на бытовом уровне привела к появлению феномена параллельного существования двух исламов – формального и неформального, что обусловило сохранение исламских традиций и образа жизни большинством населения Узбекистана.

Киргизы приняли ислам в «облегченном» (кочевом) варианте, то есть на уровне традиций и обычаев. Основной особенностью киргизского ислама оставался синкретизм мусульманских и местных традиционных верований, своеобразный дуализм монотеизма и политеизма, рождающий двойной стандарт поведения – по языческой и по мусульманской схемам. Если считать ислам фактором, потенциально препятствующим установлению демократического режима, то в Киргизии этот фактор проявлялся в гораздо меньшей степени, чем в Узбекистане.

Другими словами, и в Киргизии, и в Узбекистане воспроизводились и продолжали существовать традиционные общественные отношения и институты. Вместе с тем важно отметить, что Советская власть выступила в роли модернизатора традиционных среднеазиатских обществ, сформировав вместо восточных деспотий и конфедерации племен с конфессиональной либо кланово-региональной идентичностью населения квазигосударства с определенными границами, относительно консолидированными нациями, дифференцированными политическими структурами, некоторой степенью рационализации власти (в смысле формирования абстрактных имперсональных институтов), относительно высоким (по сравнению с досоветским) уровнем социально-экономического развития и качеством жизни, отчасти секуляризованной культурой, всеобщей грамотностью населения. Именно поэтому процесс постсоветской трансформации этих государств нельзя рассматривать только в рамках теорий модернизации, пригодных для изучения африканских и азиатских постколониальных обществ с гораздо большей степенью традиционализма.

Результаты анализа структурных предпосылок трансформации свидетельствуют о том, что в рассматриваемом регионе в основном сложились факторы, благоприятствующие установлению в Узбекистане политического моноцентризма, а в Киргизии – полицентризма. Одна-

ко это не означает, что установление определенных типов режимов было неизбежно. Исходя из логики «воронки причинности», можно предположить, что процедурные факторы в принципе способны в известной степени преодолеть влияние структурных.

Прежде всего следует обратить внимание на ряд важных обстоятельств позднесоветского этапа политического развития обоих государств. В Киргизии, после ухода в 1985 г. с поста первого секретаря ЦК Компартии республики сильного и авторитетного лидера Т.Усубалиева, претензии на власть представителей лишь одной группировки уже не воспринимались как абсолютно неоспоримые, в связи с чем росло недовольство ущемленной элиты юга. Это послужило предпосылкой возникновения ограниченного (внутриэлитного) политического полицентризма. В Узбекистане же, после известного «хлопкового дела»⁴ и инициированной извне тотальной замены высшей партийно-государственной элиты, такой сценарий был заведомо исключен. Именно поэтому там не сформировалось (и не могло сформироваться) внутриэлитного раскола.

⁴ Подробнее о сущности и результатах «хлопкового дела» см.: Гюлян Т.Х., Иванов Н.В. Кремлевское дело. — М., 1996.

На исходе советского периода в обеих республиках зародилось демократическое движение, выступавшее сперва за возрождение национальных языков и культуры, затем — под лозунгами демократизации и независимости республик. Ни в Киргизии, ни в Узбекистане не было сильных традиций диссидентской и правозащитной деятельности, однако оппозиционные настроения были характерны для части национальной интеллигенции. В конце 1980-х гг. в Киргизии создается ряд дискуссионных клубов, затем протопартий, была и попытка создания Национального фронта Киргизии по типу Народных фронтов в Прибалтике и «Народного Руха» в Украине, пресеченная руководством Компартии Киргизии (КПК). Позже были созданы зонтичная коалиция из 24 неформальных демократических объединений под названием «Демократическое движение «Кыргызстан» (ДДК) и группа сторонников ДДК в Верховном Совете. К 1990 г. в руководстве КПК обозначился раскол на реформаторов, поддерживающих перестройку и поддерживаемых «демократами» в Москве, и консерваторов во главе с первым секретарем ЦК КПК А.Масалиевым, выступающих за неизменность основ советского строя. Этот внутриэлитный раскол совмещался с размежеванием по линии «север — юг», поскольку северные элиты были в то время отстранены от власти. Раскол проявился уже на выборах Президента Киргизской ССР в октябре 1990 г., когда ни А.Масалиев, ни его главный противник М.Шеримкулов не смогли победить в первом туре, что создало возможность неожиданного появления на политической сцене и последующей победы на выборах «демократа» А.Акаева, поддержанного сторонниками реформ в Москве. В краткий период сосуществования Президента и консервативной партийной элиты (1990–1991 гг.) произошло укрепление позиций А.Акаева и ослабление КПК, которая после известных Ошских событий и особенно после поддержки ГКЧП в августе 1991 г. привела себя к полному политическому банкротству.

События в Узбекистане развивались по иному сценарию. Основой протестного движения там послужил Союз писателей во главе с поэтом М.Салихом, в котором начали обсуждать экологические, культурные, социально-политические, а затем (с середины 1980-х гг.) и политические проблемы. Именно на основе Союза писателей зародилось оппозиционное движение Узбекистана (движение «Бирлик», а впоследствии возникшее на его основе менее радикальное движение «Эрк»), которое во многом способствовало ослаблению позднесоветского режима. Оно опиралось на население крупных городов республики, прежде всего европеизированную городскую интеллигенцию и студенчество из сельских районов. Таким образом, на этапе крушения советского режима и периода неопределенности в республике существовали альтернативные политические силы, обладающие определенной массовой поддержкой, потенциально способные к изменению политического режима и преодолению исторического «наследства». Под лозунгами национального возрождения, демократизации и независимости республики в конце 1980-х – начале 1990-х гг. оппозиционные силы собирали в крупных городах страны многотысячные митинги. Однако в условиях отсутствия предпосылок для внутриэлитного раскола действия доминирующего актора, руководителя компартии республики И.Каримова (особенно по мере ослабления союзного центра) направлялись главным образом на устранение всех прочих политических акторов и максимизацию своей власти, что объявлялось необходимым условием стабильности в регионе. И.Каримов, в отличие от киргизских коллег, использовал гораздо более гибкие стратегии, суть которых заключалась в заимствовании основных лозунгов своих политических противников. Возрождение национальной культуры и языка, реабилитация крупных исторических деятелей досоветского и советского периодов, «оклеветанных» Москвой, суверенитет республики, демократизация политической системы, возрождение ислама – все эти цели очень скоро вошли в партийные документы. Отсутствие внутриэлитного раскола как в ЦК КПУ, так и в Верховном Совете позволило Каримову успешно реализовать эту стратегию. Каримов начал говорить о неформальных движениях как об «объективном и закономерном» процессе в рамках демократического развития и как о «показателе политизации нашего общества»⁵. По некоторым данным, именно Каримов расколол оппозиционное движение, способствуя созданию менее радикальной партии «Эрк» во главе с М.Салихом для формирования на ее основе лояльной полуоппозиции. В результате подконтрольный Верховный Совет в марте 1990 г. почти единогласно избрал Каримова Президентом Узбекской ССР.

⁵ Выступление И.А.Каримова на XVIII Пленуме ЦК Компартии Узбекистана 24 ноября 1989 года // *Правда Востока*. 1989.01.12.

В отличие от киргизской партийной элиты, Каримов прямо не поддерживал и не осудил ГКЧП, заняв выжидательную позицию. После поражения путча он форсировал провозглашение независимости страны, роспуск всех структур Компартии, а затем сделал все, чтобы в глазах общественности предстать «борцом за национальную независимость» Узбекистана. После проведения альтернативных президентских выбо-

ров в декабре 1991 г., добившись легитимации в качестве всенародного избранного президента, Каримов начал поэтапное устранение реальных и потенциальных политических конкурентов.

Таким образом, наличие ряда социетальных расколов в Киргизии и внутриэлитного раскола способствовало появлению новых политических акторов, опирающихся на массовое движение, и постепенному «перетеканию» ресурсов от консервативной партийной элиты к демократическому движению. Отсутствие же таких расколов в Узбекистане и гибкость стратегии правящей элиты во главе с Каримовым позволили прежней элите удержать власть и начать устранение политических конкурентов.

На этапе институционализации новых режимов были приняты Конституции – произошла фиксация основных формальных институтов. Каримов, обладая ресурсами, превосходящими ресурсы прочих политических акторов, закрепил политический моноцентризм в новой Конституции. Последняя предоставила президенту чрезвычайно широкие полномочия (27 баллов по шкале Шугарта–Кэри⁶), а принятие ряда рестриктивных законов формально ограничило и сам доступ к институту президентства (так, Президент может быть выдвинут лишь от зарегистрированных партий или от областных советов народных депутатов). Тем самым полномочия Президента были максимизированы. В Киргизии во главе с Акаевым как относительно доминирующим актором, не обладающим полной монополией на господство при относительной самостоятельности парламента и стремящимся к тому же к созданию и поддержанию демократического имиджа страны в глазах зарубежных государств и организаций (прежде всего с целью привлечения материальной помощи и инвестиций в страну), была сформирована президентско-парламентская республика (объем полномочий президента – 9 баллов). Тем самым политические системы Узбекистана и Киргизии стали значительно различаться и на уровне формальных институтов. Кроме того, Акаев, не обладавший после крушения СССР монополией на власть, стремился заключить нечто вроде своеобразного пакта с лидером парламента М.Шеримкуловым и руководителями областей (акимами), что позволяет говорить о некоем «сообществе элит» на первом этапе постсоветского политического процесса в Киргизии. В Узбекистане сразу же был реализован сценарий «победитель получает все»⁷.

К середине 1990-х гг. в Узбекистане наметились явные признаки консолидации политического режима. К этому времени все оппозиционные партии были поставлены вне закона; на основе рестриктивных законов о выборах был сформирован новый представительный орган власти – Олий Мажлис (Верховный Совет), в котором не оказалось ни одного участника оппозиционных партий и движений. К тому же этот орган оказался лишен конституционных функций. Президент же продолжил свои полномочия без выборов (путем всенародного референдума), что было бы невозможно сделать в условиях неконсолидированно-

⁶ О шкале Шугарта–Кэри см.: Shugart M.S., Carey J.M. *Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics* – Cambridge: N.Y., 1992; Shugart M. *Executive-Legislative Relations in Post-Communist Europe* // *Transition*. 1996. Vol. 2. № 25.

⁷ Подробнее о различных сценариях трансформации режимов см.: Гельман В. *Трансформации и режимы: Неопределенность и ее последствия* // *Россия регионов: Трансформация политических режимов* / Под общ. ред. В.Гельмана, С.Рыженкова, М.Бри. – М., 2000. – С. 16–60.

го режима, создал псевдопартийную систему и систему общественных организаций, которые вошли в число его опор.

В Киргизии консолидацию затрудняли наличие неподконтрольных Акаеву центров власти, конфронтация с парламентом и региональными элитами, в основе которых лежали все те же родоплеменные расколы. Все это в сочетании с резким экономическим спадом и коррупционными скандалами «подсказывало» президенту более эффективный в данной ситуации авторитарный метод решения политических проблем и в итоге консолидации режима. Начав с закрытия двух оппозиционных газет, он пошел на неконституционный роспуск парламента (1994 г.), референдум о расширении полномочий Президента (1996 г.), а затем и переизбрание на третий срок (2000 г.). Помимо этого, начались уголовные преследования политических оппонентов, самым заметным из которых был Ф.Кулов. Президентские выборы в Киргизии были ярким отражением регионального раскола с отчетливым родоплеменным отпечатком. В 1995 г. А.Акаеву противостояли А.Масалиев (получивший 24,4% голосов) и М.Шеримкулов (1,7%). Значительная поддержка А.Масалиева в южных регионах подтверждает предположение о том, что избиратели в первую очередь голосовали за него не как за лидера коммунистов, а как за представителя юга, противостоящего «северянину» А.Акаеву. На выборах 2000 г. основным соперником Акаева был лидер Социалистической партии О.Текебаев, собравший 10% голосов, и опять-таки основным расколом в ходе выборов был не политический, а региональный (главный конкурент А.Акаева Ф.Кулов был снят с дистанции еще до голосования). Региональные расколы отражались на партийной системе, затрудняя ее становление.

К концу 1990-х гг. и Киргизия, и Узбекистан разными путями пришли к формированию авторитарных режимов, что объясняется как влиянием структурных факторов, так и конкретными направленными действиями политических элит. Безусловно, режимы различались по ряду основных характеристик. Доступ к власти в Узбекистане был практически полностью закрыт и на формальном, и на неформальном уровнях, в Киргизии же проводились относительно конкурентные президентские и парламентские выборы. В Узбекистане сложилась монистическая структура господства, в то время как в Киргизии – полуплюралистическая (там никогда не было полностью подчиненного парламента). Притязания режима Каримова можно охарактеризовать как обширные, простирающиеся на руководство всей публичной сферой, включая партии, общественные организации и СМИ; в Киргизии они были ограничены существованием ряда неподконтрольных доминирующему актору организаций и сил. Кроме того, в Узбекистане была сделана попытка построить целостную национальную идеологию с целью легитимировать режим на основе двух основных компонент – национальной и исламской. В Киргизии, хотя и были предприняты отдельные шаги по созданию национальной идеи на основе эпоса «Манас», в целостную идеологию они не оформились. Режим, сформировавшийся в Узбекистане, по сво-

им характеристикам близок к неопатримониальному (султанистскому) политическому режиму, приспособившему внешне современные политические институты к политической традиции, сделав их инструментом и формальной опорой личного господства главы государства. По своим основным характеристикам он сближается с традиционными досоветскими режимами среднеазиатских ханств, что позволяет утверждать о возвращении к традициям политического моноцентризма, но в иной форме.

В Киргизии политическая система сопротивлялась насаждаемому моноцентризму, альтернативные центры влияния не покорялись президенту и продолжали его «беспокоить». Уже после выборов 2000 г., когда обозначилось четкое стремление «семьи» А.Акаева занять лидирующие позиции в политике и экономике страны, то есть завершить монополизацию власти, проявилось сначала неявное, а затем открытое недовольство наиболее сильно организованного сегмента оппозиции в лице лидеров региональных элит⁸. В 2002–2003 гг. начались митинги оппозиционных сил, объединившихся в широкие коалиции: «Народное движение Кыргызстана» во главе с К.Бакиевым, движение «Ата-Журт» («Отечество») во главе с Р.Отунбаевой, «Жаны Багыт» («Новый курс») во главе с М.Иманалиевым и Народный Конгресс Кыргызстана во главе с А.Атамбаевым (причем все лидеры, кроме Иманалиева, были представителями юга республики, а возглавили оппозицию бывшие представители элиты, отстраненные А.Акаевым от власти – бывший премьер-министр К.Бакиев и бывшая министр иностранных дел Р.Отунбаева). Символом (с ореолом мученика) для них служил находившийся в заключении Ф.Кулов. Выход из кризиса искали в конституционной реформе, призванной перераспределить полномочия между президентом и парламентом, однако эта реформа всячески затягивалась. Так, А.Акаев в 2003 г. объявил о переходе к президентско-парламентской республике только с 2005 г.

Выборы в парламент 2005 г. подтвердили стремление А.Акаева к дальнейшей монополизации власти и оттеснения от власти оппозиции. Многочисленные родственники и представители клана Акаева, контролировавшие к тому же значительную часть экономики страны, решили закрепить свою власть с помощью получения депутатских мандатов. Это обстоятельство, а также усиливающиеся подозрения в отношении того, что А.Акаев будет переизбираться на президентских выборах в декабре 2005 г. (в четвертый раз!) либо передаст власть по наследству, привели контрэлиты к решению об использовании темы фальсификации выборов как повода для ослабления власти. При этом, как позже признавались лидеры оппозиции, о свержении А.Акаева, тем более таком быстром, тогда никто не думал⁹. Массовые протестные настроения на юге страны в связи с объявленными итогами выборов, вылившиеся в народные бунты, были использованы контрэлитой, которая в основном и представляла южные кланы, для прихода к власти. Новые выборы, однако, грозили перерасти в новое противостояние юга и севера (в лице

⁸ Омаров Н. Эволюция политической системы Кыргызстана в 90-е годы XX – начале XXI веков: Итоги и перспективы демократического строительства // Политический класс. 2005. № 6.

⁹ См., например: Панфилова В. В Киргизии сложилось двоевластие: После дележа должностей следует ждать передела собственности // Независимая газета. 2005.28.03.

кандидатов К.Бакиева и освобожденного Ф.Кулова), однако ни один из кандидатов не был уверен в своей единоличной победе и не обладал для нее необходимой поддержкой населения. Можно предположить, что выборы по такому сценарию привели бы в лучшем случае к еще большему расколу страны, в худшем – к гражданской войне. В этой ситуации оба главных кандидата от оппозиции вступили в альянс, дабы обеспечить коллективную победу на выборах и перераспределение власти между северными и южными кланами. Поскольку А.Акаев уже был отстранен, пакт заключался между представителями оппозиции, представляющими два основных сегмента контрэлиты. То обстоятельство, что новое руководство фактически продолжило политику смещенного президента, на этот раз в форме монополизации власти представителями южных кланов и отстранения от значимых постов и собственности ряда лидеров победившей коалиции, в сочетании с затягиванием конституционной реформы привело к новому кризису. Оказавшись перед выбором между двумя альтернативами: потерять власть полностью или ограничить ее, передав ряд полномочий парламенту, президент К.Бакиев выбрал последнее, что помогло разрешить кризис.

Таким образом, можно говорить о том, что в Киргизии произошел возврат к политической традиции, выражавшейся прежде всего в представлениях о нелегитимности узурпации власти одним правителем или родом. Поскольку политическое противостояние так и не удалось перевести из родоплеменной плоскости в партийно-политическую, сформировав новые социетальные расколы, эта традиция преодолела и девальвировала формальные демократические институты, насажденные новой элитой во главе с А.Акаевым. Насильственная смена власти в марте 2005 г. еще раз подтвердила, что структурный полицентризм невозможно «отменить» или «подавлять» неограниченное время.

В Узбекистане, где такой структурный полицентризм отсутствует, доминирующему актору удается ограничивать доступ к господству длительное время, и можно прогнозировать, что это будет удаваться ему и далее. На это указывают андижанские события, реакция власти на которые была непропорционально жесткой, но не вызвала никаких революционных волнений. Политический процесс в республике почти полностью «заморожен»: любая политическая активность, за исключением инсценированной по распоряжению сверху, жестко блокируется (недавний пример – попытка создания оппозиционного движения «Солнечный Узбекистан»). Это обстоятельство в сочетании с по-прежнему низким уровнем жизни населения потенциально может привести к стихийному социальному взрыву на региональном или даже национальном уровне. Другая сложность, с которой может столкнуться режим Каримова в скором будущем и которая может проявиться одновременно с первой, – проблема передачи власти в условиях отсутствия соответствующих механизмов, институтов и традиции¹⁰. Если такие механизмы не будут разработаны, может развернуться острая борьба за власть с непредсказуемым исходом, в которую могут быть вовлечены и

¹⁰ В соответствии с Конституцией и законами страны последний срок пребывания И.Каримова на посту Президента истекает в 2007 г.

радикальные исламские движения. Отметим, что пока институционализации механизмов трансляции власти не произошло и в Киргизии, хотя в этой республике перспективы трансформации режима определяются прежде всего тем, насколько успешными будет поиск новой правящей элиты способов и приемов распределения власти по горизонтали (между элитой и оппозицией) и вертикали (между центром и регионами) – способов, которые бы не углубляли, а помогли преодолеть регионально-социальные расколы и сформировать более или менее устойчивую политическую систему.

Итогом постсоветской трансформации обоих государств стал провал декларируемых демократических проектов и ретрадиционализация (демодернизация) политической системы. Специфика каждого из государств заключается в том, что в Узбекистане произошел возврат к традиции сильной деспотической власти с закрытым доступом к господству и легитимацией господства через национализм и ислам, в Киргизии – к традиции ограниченного плюрализма в виде скрытого, а временами и явного противоборства элит основных родов, полузакрытого доступа к господству и легитимации в основном через национально-культурные ценности. Мартовский переворот 2005 г. только подтвердил наличие структурного полицентризма киргизского общества и показал несостоятельность политической элиты, было поверившей в возможность полностью моноцентрического осуществления власти.

Переход обоих государств к авторитарным режимам был обусловлен еще и многочисленными сопутствующими проблемами (этнополитические конфликты, нерешенность ряда социально-экономических проблем, макрорегиональная нестабильность), которые «подталкивали» элиты к соответствующим решениям и действиям. Более того, как показывают события периода трансформации, консолидация режимов стала возможной только в условиях авторитаризма. Здесь можно вспомнить известный тезис С.Хантингтона о наложении в процессе трансформации режимов нескольких типов проблем, в том числе проблем «контекстуальных» (конкретных проблем перехода) и «системных» («вечных», или структурных)¹¹. Именно это наложение оказывает наибольшее влияние на процесс трансформации и сущность новых режимов. Интересен тезис того же автора о неизбежности (и до известной степени благотворности) авторитарной власти в условиях нерешенности проблем ее рационализации и дифференциации политических структур, без чего невозможно (и даже опасно) расширять политическое участие граждан¹². Применительно к исследуемым странам, однако, затруднительно говорить о том, что политические элиты ставят перед собой цель разрешить эти проблемы, поскольку в ряде случаев очевидно движение в противоположном направлении.

Специфика режимов Узбекистана и Киргизии состояла также в уровне разрыва между формальными и неформальными институтами.

¹¹ См. об этом: Хантингтон С. Третья волна: Демократизация в конце XX в. – М., 2003.

¹² См. об этом: Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М., 2004.

Если в Узбекистане сформировался моноцентрический авторитарный режим даже на уровне формальных институтов (иначе говоря, законодательство во многом закрепляло сложившуюся политическую практику), то в Киргизии уровень разрыва между неформальными и формальными институтами был велик изначально и со временем только увеличивался: внешне демократические законы и институты все в большей степени расходились с политической практикой. Кроме того, частые ситуативные изменения формальных демократических институтов, их авторитарная адаптация также способствовали их дискредитации. Это подтверждает известный тезис о возрастании по мере консолидации режима роли структурных факторов трансформации. Традиция и структурные факторы ограничивали действия политических элит, пытавшихся (Киргизия) или не пытавшихся (Узбекистан) их преодолеть. С другой стороны, новые формальные институты были отражением результатов политического процесса в позднесоветский период и первые постсоветские годы. Наличие острого внутриэлитного конфликта и отсутствие доминирующего актора в 1989–1991 гг. (Кыргызстан) не давали элите сформировать полностью неконкурентные институты, в то время как отсутствие конфликта и наличие доминирующего актора (Узбекистан) позволяло это сделать и даже подсказывало такое решение. Таким образом, новые институты учреждались элитами, но в уже заданных структурных рамках, что еще раз подчеркивает методологическую ценность синтеза структурных и процедурных факторов трансформации режимов. Только учет обеих групп факторов дает возможность подтвердить или опровергнуть гипотезу о «заданном пути» трансформации, о том, что однажды избранный институциональный дизайн (являясь, в свою очередь, выражением политической традиции) во многом определяет траекторию последующих изменений.

Результатом анализа трансформации становится и тот вывод, что режимы, сформировавшиеся в ее результате в Киргизии и Узбекистане, являются качественно новыми по отношению к советским режимам. Об этом позволяет говорить изменение их сущностных характеристик: соотношения формальных и неформальных институтов, характера институтов доступа к господству и смены власти, легитимации и структуры господства. Очевидно, что новые режимы в гораздо большей степени, чем советские, основаны на политической традиции данных государств. Почти все институты, скрывавшиеся за формальными рамками в годы Советской власти, были возрождены и в некоторых случаях легитимированы.

Проведенный анализ заставляет задуматься и о значительной роли формальных институтов даже в условиях недемократических режимов, поскольку именно эти институты (прежде всего рестриктивные) во многом определяют политический процесс в указанных государствах. Иначе говоря, на протяжении 1990-х гг. можно проследить тенденцию усиления моноцентризма не только на уровне режима в целом, но и на уровне формальных институтов.

Очевидным становится и то, что структурный полицентризм, хотя и является необходимой предпосылкой для установления демократического режима, однако не служит его обязательным условием. Наличие полицентризма в Киргизии не привело к формированию устойчивого демократического режима, поскольку до сих пор не преодолены значимые родоплеменные расколы, транслирующиеся в политическую плоскость. По-видимому, потенциальное становление демократии в этой стране связано, как уже было отмечено, с переходом от родоплеменной идентификации к политической, с институционализацией механизмов коалиционного правления и предоставлением больших прав региональным элитам при принятии общенациональных решений.

Приложение Сравнительная характеристика трех типов политических режимов в Узбекистане и Киргизии¹³

Основные критерии	Досоветские режимы		Советский режим	Постсоветские режимы	
	Узбекистан	Киргизия		Узбекистан	Киргизия
1. Легитимация господства	Менталитеты (ислам и культ-ист. общность)	Менталитеты (общее происхождение, традиция)	Мировоззрение (тотальная идеология)	Менталитеты (национализм и ислам)	Менталитеты (национальная культура)
2. Доступ к господству	Закрытый	Ограниченный	Закрытый	Ограниченный: всеобщее изб. право, формально ограниченное на основании рестриктивных законов	Ограниченный: всеобщее изб. право с неформальными ограничениями
3. Монополия на господство	Лидер (хан), не легитимированный через выборы	Родоправители, избравшиеся элитами родов	Партия, не легитимированная через выборы	Несменяемый лидер (Президент), легитимированный посредством всеобщих выборов и Конституции	Лидер (Президент), легитимированный посредством всеобщих выборов и Конституции
4. Притязание на господство	Обширное с нечеткими границами	Ограниченное правами и притязаниями других родоправителей	Тотальное	Обширное с нечеткими границами	Ограниченное наличием альтернативных центров влияния
5. Структура господства	Полуплюралистическая (хан, духовенство, армия)	Плюралистическая	Монистическая	Монистическая	Полуплюралистическая

6. Способ осуществления господства	Основан на произволе, ротации бюрократии, военной силе, ограниченно репрессивный	Основан на традициях и обычном праве кочевого общества	Основан на произволе, систематически репрессивный	Основан как на формальных, так и на неформальных институтах, ротации бюрократии, ограниченно репрессивный	Основан как на формальных, так и на неформальных институтах
7. Механизмы трансляции власти	Власть передается по наследству	Наследование или выборность, иногда в результате бунтов	Формально – выборность Пленумом ЦК Компартии республики. фактически – назначение из Центра (Политбюро ЦК КПСС)	Вероятна передача власти политическому «наследнику» с формальным «одобрением» на выборах	Насильственное отстранение Президента от власти в результате недовольства контрэлиты с последующей легитимацией через выборы

¹³ Основные критерии для характеристики режимов взяты из: Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2002. № 1. С. 6-17.